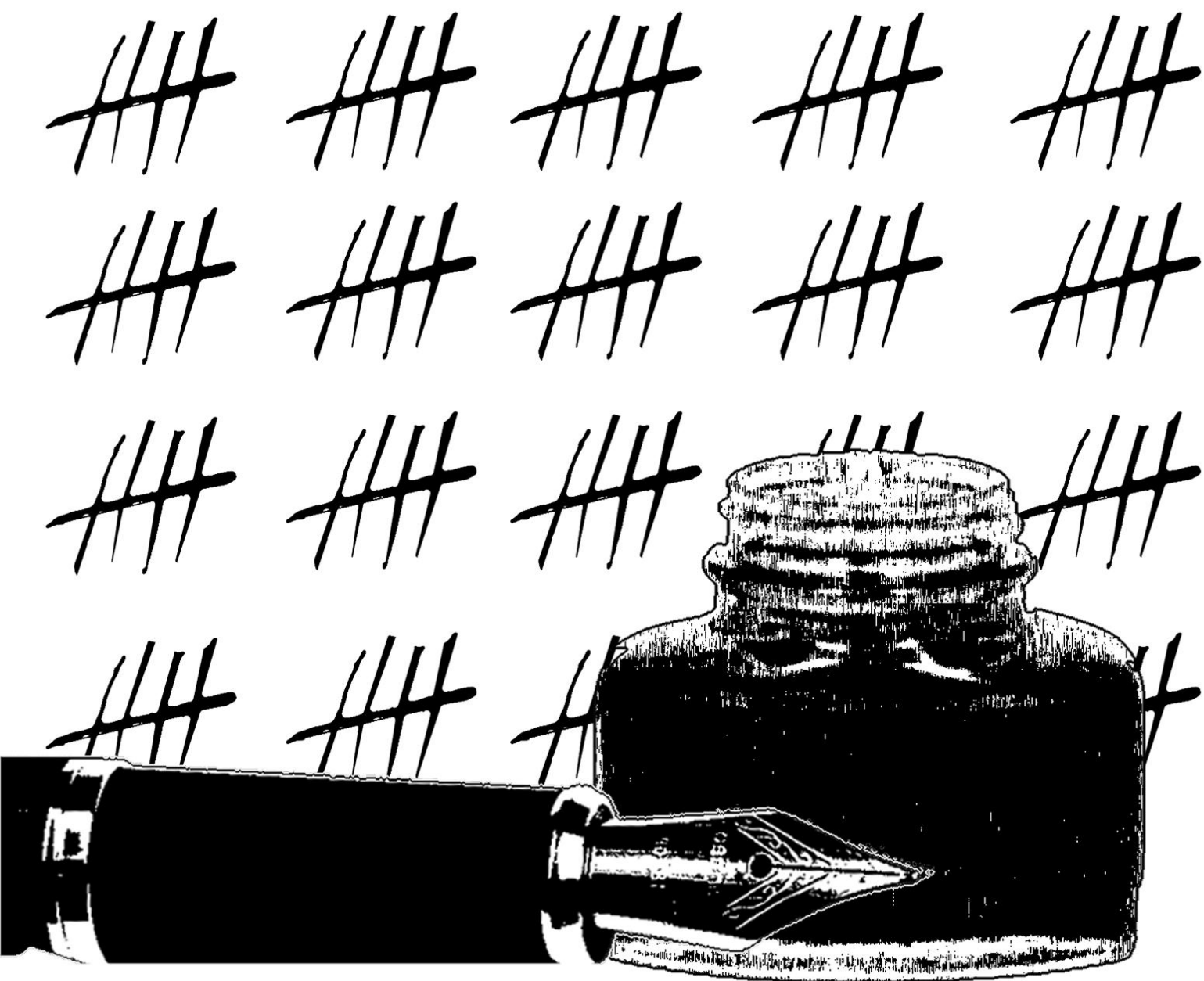

ТОВАРИЩИ ПО БОРЬБЕ

Семен Грила

Товарищи по борьбе

Столбов сидел и смотрел. За стеклом адвокат, и прокурор, и судья. Дело его рассматривалось в закрытом режиме. И в ускоренном. Так было надо. Он был виноват. Не отличил своей правды от правоты момента, истины от истинности. Не разобрался, проглядел. И вот теперь он здесь.

Суд. Его судят. И по нему судят. Вот так. На допросах ему всё объяснили, и он со всем согласился. Ему нечего отстаивать, он просто фиксирует время.

Вложение. Стр. 13

Оно всегда так – борются вместе, а табачок врозь. Сначала все-все вместе, а потом постепенно – все врозь-врозь-врозь. А потом встречи с прошлым. Дни рождения или годовщины контор. На этом есть стоит система. А система вечна, почти как музыка. И также непреходяща. Всегда одно и то же. Нот ведь семь. Или нет?

Столбов был, есть и будет командным игроком. Он не умел по-другому. Дружба, друзья –это всё-всё-всё для него. Есть и будет.

Их издательство существовало лет двадцать, наверное, и все эти годы Столбов работал тут. Он не был владельцем, но пришел одним из первых и теперь считал себя... ну кем он считал себя?

Обязанным, что ли, быть главным, не в смысле начальником, а авторитетом.

Столбов был редактором. Ну таким – как от бога. Филфак и всё такое. Читал много с детства. Потом писал много. Графоманил, как он сам говорил. А потом – вот тут.

Книга

Много лет он писал роман. Большой. Он называл это свое детище просто книгой. Она лилась из простых ежедневных наблюдений. В ней был герой, который просто жил и смотрел на мир, и говорил с ним, и вел дневник. Всё просто и избито.

Столбов не увиливал и не создавал параллельную реальность в своей книге, наоборот, он был честен и даже правдив. Все теперешние времена были уже описаны и давались ему с трудом. Он любил Родину и не знал, как соединить разъезжающиеся ноги правды и истины. Правда была с Родиной, а истина – совсем нет. Столбов понимал это и мучился.

Он никогда и никому не давал читать свою книгу. Это тяготило его, ибо у писателя должны быть читатели – иначе как?

Шемякин

В отличие от Столбова, Шемякин писательством не баловался. Он был бухгалтером. Ему были чужды все эти творческие причуды. Он любил считать и делать выводы. Дружил с теми, кто приносил доходы. Нравились ему большие тиражи и скрупулезные характеры их обладателей.

Столбова он не понимал. Сидит человек двадцать лет младшим редактором. Без полета, без фантазии. Наверное, пишет. Были такие, кто становились редакторами от нереализованных желаний

писательства, а главное – от боязни опозориться. Вот и читали чужие рукописи, по ночам ненавидя себя. Но в основном – их, графоманов и беллетристов. А теперь еще эти сраные речевые модели появились. Вообще труба. Их даже ненавидеть нельзя. Или можно?

Шемякин жалел всех нереализованных, но не понимал. У него тоже были нереализованные желания. Одно из них звали Милой. Новая редакторша из отдела фэнтези. Редкая красавица и, соответственно, сука редкостная. Она была племянницей владельца, инстаграмщицей и вообще. Он хотел ее. И боялся. Ну как Столбов свою книгу.

Мила

Милая, глубокая и роковая. Столбов проникся к ней доверием случайно, поговорив с ней в лифте. Она улыбнулась, и он поверил. Обычно мужчины в таких случаях надеются продемонстрировать, что у них в штанах, Столбову захотелось показать ей книгу.

Она его не заметила. Родители заставили ее пойти работать, и она пошла работать к дяде. Большое издательство. Гламур и всё такое. Она мало понимала себя, но желала всего, чего желают красивые девушки ее возраста. Всего, сразу и навсегда.

Когда маленький смурной человек, смутно знакомый, принес ей рукопись, постучав утром в ее кабинет, она не знала, что сказать.

Он положил папку на край стола, повернулся и ушел.

Рукопись. Рукописная. Она развязала тесемки. Бумага – и на ней ровные строчки букв. Чернильные. На бумаге.

Чума, подумала она. Это же надо – рукопись.

Она была в восторге. Она вспомнила, что он сказал перед этим: «Я писал это двадцать лет, не могли бы вы посмотреть и определить годность этого к печати». И вышел.

Рукописей ей еще не дарили. Но и он не дарил. Но она поняла. И прочитала.

Издатель

Дядя Милы был мужик хоть куда. Удачливый, здоровый и встроенный в текущие форматы бытия. Защищенный. Делал тиражи того, чего надо, и тогда, когда надо. Дружил с кем надо. Делился куда надо. Круглый, не зацепишь. К тому же веселый и обаятельный. Душа-человек.

Мила пришла к нему утром и сказала, что нашла настоящий шедевр и что надо его обязательно издавать. Дядя рассмеялся, он много раз слышал эти слова.

– Кто автор?

Она ответила:

– Никто.

Он сощурился:

– Так не бывает.

Мила не поддавалась:

– Это сейчас не главное. Текст я уже отредактировала.

– Когда ты всё успеваешь? – дядя был в хорошем расположении духа. – Оставь, я посмотрю.

– Ты же не любишь читать рукописи, – сказала Мила.

– Я и не собираюсь, – хохотнул дядя. – Пошлю кое-кому. Политика есть?

– Это роман, – сказала Мила.

– Я тебя спрашиваю: политика есть?

– Ну это роман, – повторила Мила.

– Ты совсем не понимаешь обстановку, мало бываешь в стране.

– Да какая разница, это роман, – опять повторила Мила. – Вы тут всех уже перетрахали. Теперь боитесь романа?

Настроение дяди ей сломать не удалось. Эти сангвиники непробиваемы.

Она ушла. А он остался. На экране висело сообщение от Милы. И вложение. Это самое вложение.

Вложение. Стр. 328

Утром в понедельник было совещание по графикам сдачи материалов в печать. Руководитель отдела Скрипников сообщил нам, что те, кто найдет, что можно издать патриотического и непозорного, получит премию. Книги нужны на ежегодную новую выставку, задуманную как демонстрация творческой силы традиционных ценностей.

Редакторы молчали. Тогда Скрипников стал говорить, что надо подвигать авторов вставлять в их произведения больше скрепного. И еще предупредил насчет нетрадиционного.

Один редактор, Мельниченко, спросил:

– А нам теперь не важно продавать книги, нам важно, что в них написано?

Скрипников на это сказал, чтобы не умничали, а занимались своим делом.

– Так мы и пытаемся, – сказал Мельниченко. – Но если тиражи неважны и возвраты неважны – тогда, конечно. Тогда чистое творчество.

Все засмеялись. Ребята любили Мельниченко, а Скриприкова не любили.

Все это страшно нравилось Миле.

Этот канцелярский язык. Это внимание к мелочам. Всё-всё-всё. Не было лучше этой книги про это время. И не будет. Только сухой отчет может показать ужас и стыд. Это тебе не булгаковщина, подумала она. Хотя намазаться кремом и улететь в пизду ей очень хотелось. Но это уход, а тут двадцать лет рутины, демонстрирующей ежедневный ад. Не в конце ад, а по ежедневной дороге. И не внизу, а прямо тут. Вот в этом самом доме. Она находилась в непрерывном восторге.

Вложение висело на компьютере дяди. Но дядя не читал рукописей. Он отправил ее читать другим. Пусть другие мучаются. Тут надо, наконец, сказать, что дядя Милы не любил читать. Он любил превращать буквы в деньги. Как? Он и сам не знал.

Шемякин

Бухгалтер не думал сдаваться. Он думал мстить. Она изводила его, не зная этого. Он придумал ее, населил качествами, главным из которых была нелюбовь к нему. А такое он не собирался прощать.

Ему пришла повестка. На допрос. Такое с ним случалось часто. Нередко, скорее. Не первый раз. Но уровень был высокий. Не районный.

В кабинете его принял молодой следователь. Показал рукопись. Шемякин пожал плечами.

Была жара. Июль. Работал кондиционер, а они потели. Следователь был щеголеватый. Костюм недешевый. Шемякин разбирался.

– Политика? – спросил Шемякин и замолчал.

Потом следователь спросил про Милу. Шемякин удивился, следователь объяснил, что она числится редактором этой рукописи. Шемякин правда не знал ничего. Следователь не поверил. Но отпустил. Сказал, что вызовет еще.

У Шемякина забрезжил шанс. Он отомстит. Вот оно. Она вляпалась, и он отомстит. Шемякин пошел пружинящей походкой и обнаружил, что насвистывает какую-то мелодию. Остановился. Успокоился. И пошел уже обычной походкой.

Мила

Мила зашла в комнату, где сидел Столбов, и попросила его пройти с ней. Остальные смотрели им вслед. Даже не обсуждали, когда они вышли. В коридоре у окна Мила сказала, что рукопись ей очень понравилась, она хотела бы быть ее выпускающим редактором, если он не против.

Столбов испугался.

– Думаете, это можно издать?

– Нужно, – твердо сказала Мила. – Там нет ничего антисоветского. Только правда.

– Вы уверены? – спросил Столбов.

– Абсолютно, – ответила Мила.

– Я вам верю, – упавшим голосом сказал Столбов.

– Выше нос, курносый! – засмеялась Мила и поцеловала его в щеку. Для этого ей пришлось наклониться.

Она пошла прочь. Он смотрел ей вслед. Секса нет, подумал он. Шемякин не успел отомстить. За него это сделало время. В издательстве прошли обыски. Столбова арестовали.

Милу следователь спросил: как она это всё?

Она ответила, что вот так вот это всё.

Тогда он сказал, что это антисоветчина и она враг.

Она сказала, что просто она молодая и глупая, а Столбов ее околдовал и вовлек.

Следователь положил перед ней протокол. Она подписала.

Расписалась также под предупреждением не выезжать из города.

Шемякин на втором допросе опять потел вместе со следователем всё в том же кабинете. Не рассказал ничего нового и пожимал плечами в ответ на вопросы. Он был удовлетворен. Столбова жалел и радовался, что избавился от Милы.

Мила после допроса смогла уехать в Монако. Дядя постарался. Столбов? Ну а что Столбов. Просто дописал роман. Летопись.